

ИССЛЕДОВАНИЯ СМЕРТИ

DEATH STUDIES: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОЛЯ (2010–2020)

Сергей Викторович Мохов^а
(svmohov.hse@gmail.com),
Дарья Андреевна Миленина^б

^а Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

^б Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия

Цитирование: Мохов С.В., Миленина Д.А. (2021) Death Studies: особенности формирования дисциплинарного поля (2010–2020). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(2): 212–235. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.8>

Аннотация. Исследования смерти, объединенные общим зонтичным термином «death studies», в последние 50 лет набирают популярность как за рубежом, так и в России. Как любое междисциплинарное поле, death studies испытывает трудности с формированием общего теоретического языка, методологии и инструментария. Дискуссии в профессиональном сообществе свидетельствуют о том, что нет единого представления о дисциплинарных границах death studies. Предпринята попытка очертить предметное поле death studies путем подробного анализа публикаций трех ведущих научных журналов по этой теме («Death Studies Journal», «Mortality» и «OMEGA») за последние десять лет (с 2010 г.): основных тем публикаций, дисциплинарной принадлежности, аффилиаций авторов, а также цитирований.

По результатам анализа авторы делают несколько выводов: 1) тема горя и скорби наиболее популярна в исследованиях; 2) в поле наблюдается преобладание психологических штудий; 3) поле достаточно сильно замкнуто внутри себя, а научное знание о смерти наиболее всего востребовано в психологии и медицине; 4) существует разница между журналами в выборе тематик, аффилиациях авторов и географии. В целом современные death studies, по мнению авторов, характеризуются двумя полярными тенденциями: исследованием практических вопросов, связанных с умиранием (эта тема обслуживается в основном журналом «Death Studies»), и социологическими и культурологическими работами (публикуются в основном в журнале «Mortality»). Журнал «OMEGA» занимает промежуточную позицию.

Ключевые слова: death studies, исследования смерти, профессиональные сети, анализ публикаций, научные журналы.

Введение

Междисциплинарные исследования смерти, известные под общим зонтичным брендом «death studies», активно развиваются в последние 50 лет: издаются специализированные академические журналы*, открываются и успешно работают центры по изучению смерти**, организуются конференции и симпозиумы***, ведущие университеты мира предлагают учебные курсы****. В последние годы интерес к теме смерти и умирания распространяется и в российской академической среде. С 2015 г. выходит научный журнал «Археология русской смерти», проводятся научные конференции, появляется все больше публикаций в журналах и отдельные монографии на русском языке*****, в 2018–2019 гг. образовательный проект InLiberty запустил курс, посвященный различным аспектам смерти и умирания.

Как и любые междисциплинарные исследования, death studies испытывают определенные сложности, связанные с формированием границ исследовательского поля: это вопросы разработки общей методологии и инструментария, выработка концептуального аппарата и теоретического языка (Cann, Troyer 2017). В профессиональной среде регулярно возникают вопросы о том, что именно объединяет исследователей death studies, например действительно ли принадлежат одному направлению проекты по изучению профессионального ухода за умирающими (хосписного движения) и исследования мемориальной скульптуры? Эрика Богстром в предисловии к специальному выпуску журнала «Mortality» отмечает, что даже общий объект исследования (смерть) может быть концептуализирован через разные оптики и языки (например, смерть как биологический процесс и как социальный)*****. Это делает дискуссии

* «OMEGA. Journal of Death and Dying» (1970), «Death Studies Journal» (1977) и «Mortality» (1996).

** Centre for Death and Society при университете Бата (Англия), европейская ассоциация ASDS (The Association for the Study of Death and Society. Исследовательская группа End of Life Studies Group при университете Глазго (Шотландия) и др.

*** К примеру, International Death Symposium в Торонто (см.: About International... 2019), The New Death Symposium в рамках международного фестиваля в Лидсе (Англия) (см.: The New Death... 2019).

**** Death, Religion and Culture... 2020, End of Life Studies 2020, Palliative and End of Life Care 2020.

**** См.: (Мерридейл 2019; Блэк 2015; Мохов 2018; 2020; Хапаева 2020).

***** Об этой проблеме говорили еще социальные антропологи из ранних поколений (Мохов 2016).

внутри профессионального сообщества крайне затруднительными и ставит под сомнение единство death studies (Borgstrom, Ellis 2017).

Рефлексия внутри социальных исследований смерти ставит перед нами ряд вопросов. С одной стороны, это вопросы описательного характера: что такое вообще death studies? Действительно ли death studies так неоднородны? С другой стороны, вопросы прикладного характера: какие направления исследований имеют больший шанс на публикацию и на отзыв со стороны коллег*? Потенциально, ответы на эти вопросы помогут исследователям лучше понимать свою дисциплину и особенности ее институционального устройства. Это актуально не только для западной академии, но и для российской академической среды, переживающей активное развитие интереса к теме смерти.

Теоретические основания

Для поиска ответов на эти вопросы мы предлагаем отталкиваться от понимания научных дисциплин как коммуникационных сетей, которые представляют собой устойчивые связи между основными акторами (Скиннер 2018). В этой коммуникации есть не только ключевые узлы сети, которые можно зафиксировать и описать: журналы, исследовательские центры, конкретные люди (Москалев 2005), — и тем самым заявить об инфраструктуре дисциплины, но и характеристики самой коммуникации, например превалирующие тематические направления исследований, ориентация на определенные концепции и теории, которые создают дискуссию (Скиннер 2018). Такой взгляд позволяет выявлять и описывать границы научной дисциплины через фиксацию особенностей научной коммуникации: кто, с кем и на какие темы ведет диалог. Принимая эту позицию, можно попытаться выделить основные особенности производства знания в рамках death studies. Мы предполагаем, что, несмотря на кажущуюся дисперсность и размытость death studies, это исследовательское поле может оказаться вполне гомогенным.

Метод исследования

Для ответа на эти вопросы мы предлагаем посмотреть на массив публикаций за последние 10 лет (2010–2020) в трех ведущих специализированных журналах: «Death Studies», «Mortality» и «OMEGA». Для исследо-

* Этот вопрос можно рассматривать в рамках неопределенности, что негативно влияет на развитие поля. Авторы, не понимающие логику работы основных печатных органов исследовательского поля, могут просто избегать даже самой возможности публикации.

вания мы выбрали именно эти журналы, так как в профессиональном сообществе они считаются наиболее престижными* и в целом единственными специализирующимися полностью на исследованиях смерти. Обратившись к массиву статей, мы попробуем понять, кто, как и о чем пишет в этих журналах**.

Для анализа массива публикаций мы разработали инструментарий, состоящий из нескольких последовательных шагов.

На первом этапе посредством прямого скачивания из интернета мы собрали в один массив все вышедшие статьи из журналов «Death Studies», «Mortality» и «OMEGA» за период с января 2010 по апрель 2020 г. Итого за этот период вышло 1839 публикаций. Из массива статей мы выделили 8500 тегов / ключевых слов, которыми были подписаны тексты (ключевые слова определяются самими авторами и обозначаются на заглавном листе публикации). Мы полагаем, что это позволит определить тематическое направление статей. Далее, массив тегов мы проанализировали и разбили с помощью специально написанного для наших целей скрипта на Python. Этот скрипт позволяет анализировать не отдельные слова, но целые словосочетания, записанные через запятую***. Это позволило включить в список сложносоставные теги. В итоге мы составили список из наиболее частотных слов. Таким образом, у нас получилась таблица, состоящая из 2673 строк и двух столбцов: в первом находится уникальный тег, во втором — количество его упоминаний. В качестве второго шага мы провели ручную разбивку тегов на несколько тематических групп. К примеру, все теги, относящиеся к теме скорби и утрат (grief, bereavement, continuing bonds, mourning, coping) были вручную сложены в одну большую группу «скорбь и утраты». Всего было выделено восемь крупных групп тегов, о которых мы подробнее скажем ниже.

Итогом первых двух шагов стало выделение нескольких больших групп тегов и наиболее частотных тем публикаций. Мы получили количественное и процентное соотношения различных тематик публикаций

* Важно, что эти три журнала не аккумулируют в себе все существующие на данный момент публикации о смерти. Публикации, которые можно было бы отнести к полю death studies, можно найти в специализированных журналах по психологии, паллиативной помощи, социологии, антропологии и культурным исследованиям.

** Схожее по целям исследование проводилось на более ранних данных (рассматривались публикации с 1991 по 2010 г.) американскими исследователями в 2015 г. См.: (Wittkowski et al. 2015).

*** Некоторые теги состоят из нескольких слов, к примеру suicide attempt, death anxiety, cultural force of emotions.

и представление об узкой дисциплинарной принадлежности этих публикаций. Данные были представлены в виде таблиц и диаграмм как для всех трех журналов в совокупности, так и для каждого по отдельности.

В качестве третьего этапа мы обратились к порталу Scopus и выделили топ-50 цитируемых статей за обозреваемый период, проанализировали аффилиации авторов, дисциплинарную принадлежность статей (автоматически определяемую алгоритмами Scopus). Затем провели анализ источников, которые цитируют топ-50 статей за обозреваемый период по версии Scopus. Мы проанализировали список цитирующих журналов уже на предмет их дисциплинарной принадлежности, а также спонсоров исследований (financial support). Это позволило определить бенефициаров публикаций, востребованность тем и авторов, что в итоге позволит понять устройство и работу профессиональных сетей внутри поля death studies.

В качестве финальной части работы мы сделали еще один анализ: посмотрели на публикации, цитирующие статьи, в которых содержатся ссылки на список топ-50 Scopus, а также на дисциплины, к которым они принадлежат, и разбивку по странам.

Обобщая вышесказанное, получили следующие данные в виде таблиц и диаграмм:

- разбивка по самым частотным тегам (Death Studies, Mortality, OMEGA) в период за 2010–2020 гг., а также группирование по темам этих тегов;
- топ-50 самых цитируемых статей из этих журналов по версии Scopus за обозреваемый период; разбивка по дисциплинарной принадлежности топ-50 самых цитируемых статей за обозреваемый период; разбивка по институциональной принадлежности топ-50 самых цитируемых статей за обозреваемый период;
- разбивка по дисциплинарной принадлежности статей, цитирующих публикации из списка топ-50 Scopus; разбивка по институциональной и дисциплинарной принадлежности статей, цитирующих публикации, в которых содержатся ссылки на статьи из списка топ-50 Scopus.

Подобный анализ позволяет нам обнаружить не только актуальные тренды трех журналов по death studies, но и то, насколько широки «охват» и влияние публикаций в этих журналах, а также дисциплины, в которых существует интерес к теме смерти.

Контекст: как устроены журналы по death studies

Перед тем как презентовать некоторые наши наблюдения, остановимся кратко на самих журналах. Подобный контекст позволит лучше понять особенности производства знания в рамках этих печатных органов.

Из перечисленной тройки самым старым является «OMEGA — Journal of Death and Dying». Его первый номер вышел в 1970 г. Главный редактор журнала — известный социолог Кен Дока (почетный редактор — Роберт Кастенбаум), а в редколлегию входят исследователи преимущественно из США и Великобритании. Второй журнал — «Death Studies» (до 1984 г. назывался «Death Education»; см.: Journal Information 2020) издается с 1977 г. издательством «Taylor & Francis» (периодичность — 12 выпусков в год). Изначально специализировался на теме образования в области смерти (death education), однако затем расширил фокус и стал полноценным журналом о социальных исследованиях смерти. До 2015 г. главным редактором была доктор Аннелор Васс, после на ее место пришел профессор психологии Роберт Неймейер, а также редколлегия, в основном состоящая из психологов из США и Великобритании. Третий журнал — «Mortality» — начал публиковаться в 1996 г. в издательстве «Taylor & Francis» (выходит четыре раза в год; см.: Mortality promoting... 2020). Это преимущественно британский журнал не только по месту публикации: редколлегия почти целиком состоит из британских исследователей. Главные редакторы — социальный антрополог А. Арнасон и медицинский антрополог Э. Боргстром.

Политика в отношении публикаций у журналов идентична: все публикации проходят процесс двойного слепого рецензирования. Авторы могут подать свои тексты через унифицированную для всех трех журналов систему ScholarOne Manuscripts. После рецензирования статья может быть сначала опубликована в онлайн-версии журнала и только после этого в печатной.

Основной численный показатель престижности (Impact Factor) у трех журналов сравнительно невысок: 1,361 — у «Death Studies», 0,31 — у «Mortality»* и 1,347 — у «OMEGA» (по версии «Journal Citation Reports» за 2020 г.; см.: JCR 2020), — при наивысшем показателе IF 10. Подобная коллизия связана со сложностью определения дисциплинарного поля death studies, в то время как IF рассчитывается по дисциплинам**. Отсюда вытекают основные затруднения, связанные с использованием наукометрических данных при работе с журналами по death studies: для опре-

* Журнал «Mortality» не входит в список журналов, которым «Journal of Citation Reports» присваивает показатель IF. Для определения престижности используется схожая метрика от портала SCImago. Аналитику по сравнению этих двух метрик см.: (Falagas et al. 2008).

** Идея определения престижности журналов посредством IF активно критикуется, см., например: (PloS Medicine Editors 2006; Bornmann 2008).

деления основных показателей (цитируемость, просматриваемость и т.д.) в наукометрии исходят от определения дисциплины, к которой журнал принадлежит. В случае с журналами по death studies это затруднительно: они выходят в категориях «Arts & Humanities (Miscellaneous)» / «Гуманитарные науки (различное)», «Clinical Psychology» / «Клиническая психология», «Educational and Developmental Psychology» / «Образовательная и возрастная психология», «Health (social science)» / «Здоровье (социальные науки)», «Philosophy» / «Философия», «Religious Studies» / «Религиоведение», «Critical Care and Intensive Care Medicine» / «Медицина интенсивной терапии и реанимации», «Life Course and Life-span Studies» / «Исследования жизненных траекторий». Внутри каждой дисциплины существует разделение на квартили, от самой престижной Q1 до наименее престижной Q4. За последние 10 лет наивысшие значения занимали: «Death Studies» — Q1, «Mortality» — Q1, «OMEGA» — Q2 в категориях «Arts & Humanities (Miscellaneous)», «Religious Studies», «Philosophy», «Critical Care and Intensive Care Medicine», «Health (social science)» соответственно (SJR 2020).

Таким образом, несмотря на невысокий индекс цитируемости по сравнению с другими гуманитарными журналами широкого профиля, эти журналы являются флагами в поле death studies и основными печатными органами, оформляющими поле. Именно поэтому мы и выбрали их для анализа.

Тематика публикаций в журналах по death studies

Перейдем к нашим результатам и начнем с основных тегов и тем, которые обсуждаются на страницах журналов.

Первое, что можно зафиксировать при анализе ключевых слов, — это обилие публикаций, посвященных горю и утрате (grief and bereavement): чуть больше трети всех полученных тегов (34,7 %) — это слова, связанные с темой горя. Встречаются различные вариации, наиболее частотные из них:

- затяжное горе (complicated grief disorder), например статьи «Травматичное и затяжное горе у детей: одно или два понятия?» (McClatchey et al. 2014), «Предварительная оценка затяжного горя после природного бедствия: демографическое исследование два года спустя после цунами в Юго-Восточной Азии в 2004 г.» (Kristensen 2010);
- родительское горевание (parental grief): «Детская смерть в США: производительность и экономическое бремя родительского горевания» (Fox et al. 2014), «Родительское горевание после суицида ребенка и адаптация к утрате в Японии» (Kawashima and Kawano 2017);

(good death)*, а также «детская смерть» (child death). В каждом из журналов по отдельности совокупные количества тега «death» колеблется от 13 до 17 % («Death Studies» — 13,2 %, «Mortality» — 15,2 %, «OMEGA» — 17 %) — здесь они сопоставимы.

Теги, связанные с суицидами и предотвращение суицидов — третьи по частотности. В общей совокупности тегов «suicide» и его вариации составляют примерно 9,7 %. Наиболее частотные вариации — «риск суицида» (suicide risk), «попытка суицида» (suicide attempt), «отношение к суициду» (suicide attitudes). Темой самоубийств особенно увлечены авторы журнала «Death Studies» (15 % всей совокупности тегов); количество тегов «суицид» в журнале «OMEGA» — 12,8 %, в «Mortality» — всего 1,1 %. Это указывает на разную направленность журналов, несмотря на то что они все посвящены смерти.

Также наблюдается довольно большое количество публикаций, посвященных теме смерти от рака и паллиативной медицине (9,3 % от всей совокупности тегов). Наиболее частотные теги — «паллиативный уход» (palliative care), «уход за тяжелобольными и умирающими» (end-of-life care). В каждом из журналов по отдельности количество тегов, относящихся к теме паллиатива, колеблется от 5 до 10 %: 5,5 % — в «Death Studies», 8 % — в «Mortality», 10,7 % — в «OMEGA». Некоторая степень популярности исследований паллиатива подтверждается и данными о цитировании: 16 % наиболее цитируемых статей по версии Scopus представляют собой публикации о смерти от неизлечимых болезней, хосписах и т.д.

Аналогичную ситуацию можно увидеть, если сгруппировать теги по более крупным тематическим группам. На первом месте по популярности — тема горевания, на втором — общий для всех и не очень информативный маркер «death», на третьем — суицид, на четвертом — паллиативная помощь.

Таким образом, мы видим, что наиболее частотными темами публикаций являются:

- 1) горе и скорбь;
- 2) отношение к смерти;
- 3) суицид;
- 4) паллиативная помощь.

* Имеются в виду понятия «хорошей», правильной смерти (например, безболезненной смерти от старости во сне) в противовес «плохой» смерти (к примеру, медленному и мучительному умиранию от рака). См., например, статьи «Понимание хорошей смерти немецкими студентами-медиками» (Meffert et al. 2015), «Оценка и количественный подсчет взглядов тайваньских детей на хорошую смерть» (Yang 2013).

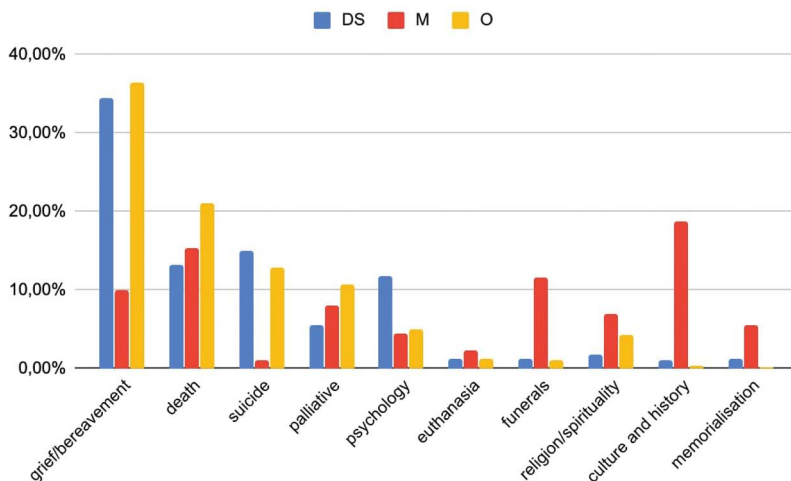

Рис. 2. Теги в журналах «Death Studies», «Mortality» и «OMEGA»

Total

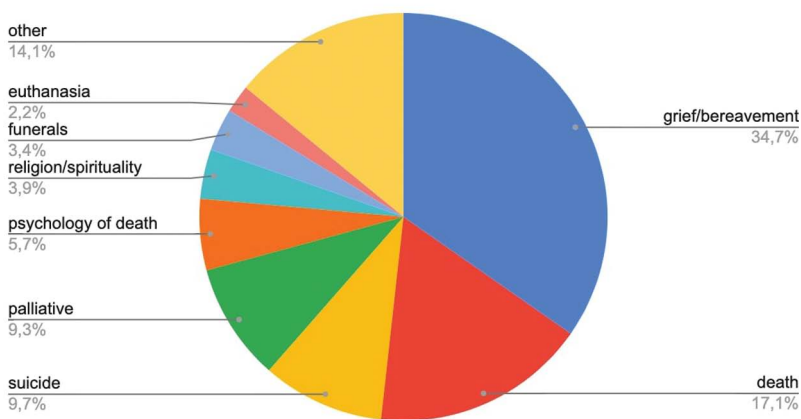

Рис. 3. Тематический разброс публикаций в «OMEGA», «Death Studies», «Mortality»

Если же специализировать темы и теги по журналам, то оказывается, что журнал «Mortality» имеет явно более культурологическое и социологическое направление и больше ориентирован на социальные исследования смерти в самом широком понимании, чем на психологические или

прикладные (например, в сфере медицинского менеджмента и психологического консультирования). Американские журналы «Death Studies» и «OMEGA» в большей степени ориентированы на горевание, суицид, паллиативную помощь.

Дисциплинарный разброс внутри поля death studies

В качестве второго шага мы попробуем определить дисциплинарную принадлежность опубликованных статей: возьмем самые популярные статьи топ-50 и проанализируем их принадлежность. В этом нам помог автоматический классификатор портала Scopus.

Итак, обращаясь к данным, мы видим, что поле death studies достаточно сильно захвачено исследованиями, которые можно определить как психологические. Согласно классификатору Scopus, 67 % публикаций с темом «горевание» относится к категории «психология». Далее, наиболее цитируемая статья за обозреваемый период по версии портала Scopus (205 цитирований) посвящена описанию модели двойного процесса горевания (dual-process model of coping with bereavement — DPM), разработанной М. Штробе и Х. Шутом в середине 1990-х годов*. Почти половину (45 %) списка топ-50 цитируемых статей Scopus занимают статьи, посвященные различным исследованиям горя: самые цитируемые из них — «Прогнозирование затяжного горя: системный обзор эмпирических исследований» (Lobb et al. 2010), «Конструкционистское понимание горя: утрата и значимые нарративы» (Neimeyer et al. 2014), «Горевание по погибшим в результате убийства среди афроамериканцев: аспекты социальной поддержки, определяющие затяжное горе, посттравматическое стрессовое расстройство и депрессию» (Burke et al. 2010). Наиболее четко феномен «психологизации поля» иллюстрируется списком топ-50 самых цитируемых статей по версии Scopus: по автоматической системе классификации статей по дисциплинам Scopus, 37 % публикаций относятся к категории «психология»**.

* Двойной процесс горевания (DPM) — описательная модель горевания, в основе которой лежат два основных процесса: ориентированные на утрату (т.е. те, в которых мы наиболее остро переживаем скорбь, и связанные с ней эмоции) и ориентированные на восстановление (например, новые адаптивные практики, которые мы начинаем воспроизводить после смерти близкого — чаще уходить гулять и т.д.). Согласно Штробе и Шуту, в основе модели лежит колебание (осцилляция) скорбящего между этими двумя типами процессов (Stroebe, Schut 1999).

** Несмотря на то что совокупное количество тега «психология смерти» небольшое (всего 5,7 %), далеко не все публикации, относящиеся к психологии, отмечаются этим тегом.

Психологии не уступает и достаточно обобщенная категория «искусство и гуманитарные науки» (Arts and Humanities), которая получает 40 % — сюда входят, например, статьи «Онтологическая репрезентация смерти: идея “уничтожения” против идеи “проработки”» (Testoni et al. 2015), этнографические исследования о суициде в Гане (Osafu et al. 2015), исследования о религии (Kelley, Chan 2012). На наш взгляд, в эту категорию попадают те тексты, которые не получили более четкой дисциплинарной привязки, например к той же психологии. Социальные науки (social science) представлены 13 % статей, среди которых публикации о влиянии интернета на практики горевания (Walter et al. 2011) или, например, статья «Социальная агентность мертвого тела» (Harper 2010).

Еще одна крупная группа статей относится к категории «медицина»: публикации этой направленности составляют 10 % списка самых цитируемых статей Scopus. К ним относятся, например, публикации «Вторичное травмирование у работников системы детского здравоохранения: утрата сострадания к чужому горю, выгорание и вторичный травматический стресс» (Meadors et al. 2010), «Проблемные вопросы ухода из жизни и предпочтения по уходу: соглашение между смертельно больными пожилыми людьми и их опекунами» (Gardner, Kramer 2010). В категорию «медицина» включают статьи, так или иначе касающиеся темы ухода за больными (исследования пациентов, персонала и т.д.).

Disciplines

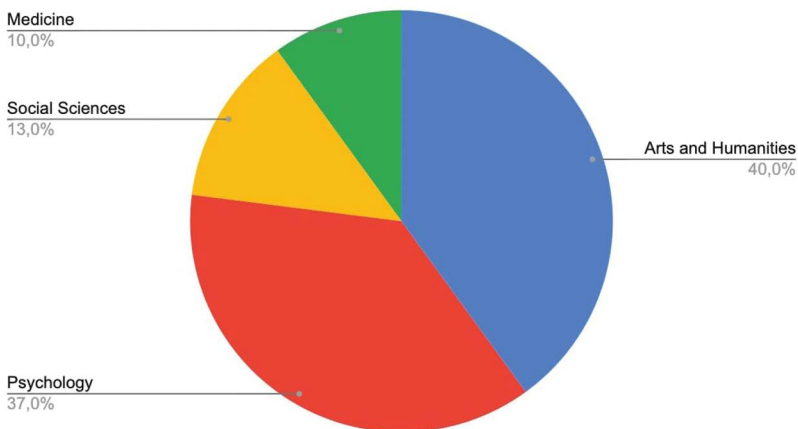

Рис. 4. Дисциплинарный разброс топ-50 цитируемых статей по версии Scopus

По каждому журналу в отдельности дисциплинарная разбивка отличается от дисциплинарной разбивки списка топ-50 самых цитируемых статей по версии Scopus. Для журнала «Death Studies» характерно такое соотношение: 45 % публикаций, относящихся к категории «психология», 30 % — к категории «искусства и гуманитарные науки», 15 % — «медицина» и 5 % — «социальные науки». В журнале «Mortality» 30 % публикаций относятся к категории «психология», 55 % — «искусство и гуманитарные науки», 8 % — «медицина» и 7 % — «социальные науки». В журнале «OMEGA» следующая разбивка: 40 % публикаций — категория «психология», 25 % — «искусство и гуманитарные науки», 30 % — «социальные науки» и 5 % — «медицина».

Таким образом, пройдя два шага в анализе, мы видим, что в общем статьи посвящены исследованиям горевания, суицида, паллиатива, а дисциплинарно (т.е. скорее с обращением к определенному категориальному аппарату и объяснительным теоретическим конструкциям) — к психологии и социальным аспектам медицины. Однако если обращаться к журналам, то можно увидеть, что вырисовывается тематически дисциплинарная ось: журнал «Death Studies» в большей части публикует статьи по психологии и медицине на темы горя, суицида, ухода за умирающими, а журнал «Mortality» имеет направленность на широкое рассмотрение тем, связанных со смертью с точки зрения социальных наук и сопряженных гуманитарных дисциплин. Журнал «OMEGA» занимает промежуточное положение и старается придерживаться паритета между психологией и социальными исследованиями.

Влиятельность публикаций по death studies

На третьем этапе мы предлагаем посмотреть, в каких областях востребовано знание, представленное в рассматриваемых журналах. Для этого мы проанализировали источники, в которых цитируются публикации.

При анализе источников, цитирующих список топ-50 Scopus, ожидаемо видно, что наибольшее количество цитирований приходится на категории «психология» и «медицина» — 29,6 и 24,7 % соответственно. Среди журналов, наиболее часто цитирующих статьи из списка топ-50 Scopus, опять довольно много журналов по психологии, в том числе специализированных по психологии горя и утраты. Например, среди источников, цитирующих список топ-50 Scopus (за исключением самих журналов «Death Studies», «Mortality» и «OMEGA»), «Journal of Loss and Trauma» (США) — 26 цитирований, журнал «Crisis» (Германия) — 20 цитирований, журнал «Illness Crisis and Loss» (Великобритания) — 18 цитирований.

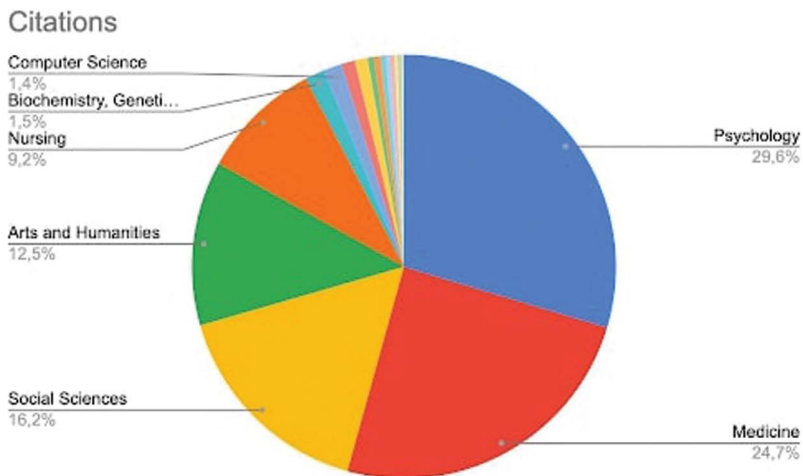

Рис. 5. Дисциплинарный разброс публикаций, цитирующих статьи из списка топ-50 Scopus

Это журналы, посвященные исследованиям процессов и последствий травмы, суицидологии и психологии утраты. В свою очередь, наиболее частотные категории, в которых цитируются статьи из списка топ-50 Scopus, — «медицина» (27,9 %), «психология» (23,1 %) и «социальные науки» (18 %), а также «сестринское дело» (10,6 %).

Важно отметить, что исходя из анализа цитирований поле выглядит достаточно закрытым. Источники, наиболее часто цитирующие статьи из «Death Studies», «Mortality» и «OMEGA» — сами эти журналы. Например, на журнал «Death Studies» приходится 8,8 % цитирований за обозреваемый период времени, на «OMEGA» — 4,3 %, а на «Mortality» — 1,2 %. То есть дискуссия внутри самого сообщества есть, по крайней мере наблюдается круг авторитетных авторов, их теоретических наработок и интерпретаций.

Авторы и аффилиации

Следующие наблюдения касаются авторов публикаций. Почти половина авторов статей из списка топ-50 Scopus (44 %) аффилированы с кафедрами клинической психологии и психологического здоровья. Например, топ-5 самых цитируемых статей написаны Маргарет Штробе и Хансом Шутом (кафедра психологии университета Утрехта, Нидерланды), Элизабет-Энн Лобб и коллегами (больница Калвари, Австралия), Беккой Леви и коллегами (кафедра психологии университета Йеля, США)

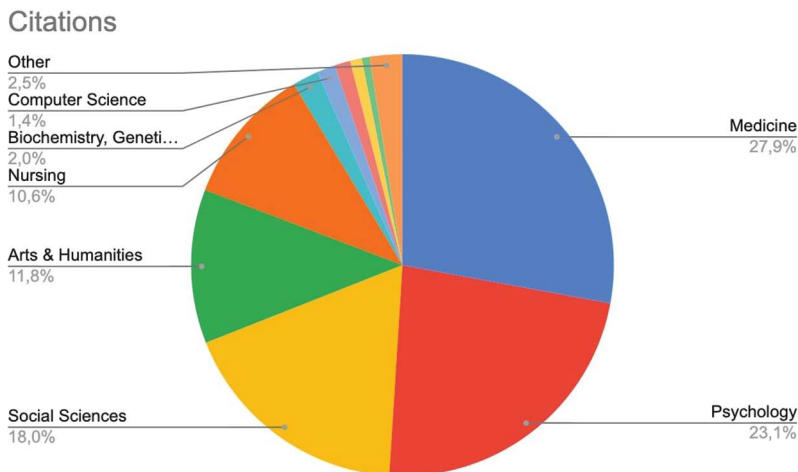

Рис. 6. Дисциплинарный разброс публикаций, цитирующих статьи, в которых содержатся ссылки на работы из списка топ-50 Scopus

и Робертом Неймейером (кафедра психологии университета Мемфиса, США). Большое количество авторов аффилированы с медицинскими институтами — больницами и исследовательскими институтами (самые частотные из них — ветеранская больница Мемфиса, детская больница и исследовательский институт штата Огайо, ветеранский госпиталь Сан-Франциско). Почти треть списка топ-50 самых цитируемых статей по версии Scopus (16 публикаций) написана в соавторстве с медицинскими работниками*.

Большую часть списка самых цитируемых статей занимают работы, написанные в соавторстве: только три публикации из 50 подписаны одним автором. При этом в списке обнаруживается довольно много повторяющихся имен (чаще всего это исследователи из области психологии и паллиативной медицины). Это означает, что цитируются в основном уже известные по своим публикациям авторы: самый частотный автор из списка топ-50 по версии Scopus — Роберт Неймейер, главный редактор журнала «Death Studies» (7 публикаций), а уже упомянутой исследовательнице М. Штробе из университета Утрехта (Нидерланды), разработавшей модель DPM, принадлежат три статьи из списка Scopus.

* К сожалению, алгоритмы Scopus не позволяют проанализировать аффилиации авторов в каждом журнале по отдельности.

Большая часть институций, с которыми аффилированы авторы публикаций топ-списка, находятся в США (35,1 %). Второе по частотности расположение — Европа (32,5 %). На Великобританию приходится всего 6,8 % цитируемых статей. В целом наблюдается преобладание публикаций авторов из англоговорящих стран — США, Канады, Австралии, Новой Зеландии (в совокупности они составляют 59,5 %). Однако самая цитируемая статья за обозреваемый период написана исследователями из университетов Утрехта и Гронингена (Нидерланды). За обозреваемый период времени публиковались в основном статьи авторов из США, Великобритании, Австралии, Канады и Израиля (причем количественный отрыв США от Великобритании довольно большой: 45,7 % статей авторов из США против 11,5 % статей авторов из Великобритании; 8,2 % статей авторов из Австралии, 7,8 % — из Канады). Процент публикаций авторов из Израиля составляет 3,5 %. Также в топ-10 самых частотных стран мы находим Нидерланды, Норвегию, Китай, Турцию и Германию. В совокупности топ-10 стран составляет 90 % всех публикаций за обозреваемый период. Остальные 10 % приходится на различные страны, среди которых можно найти как страны Глобального Севера, так и страны Глобального Юга. За обозреваемый период времени только две публикации были написаны авторами из России. Однако отчетливо видно, что большая часть публикаций пишется авторами, работающими в пространстве Глобального Севера.

Посмотрим теперь детальнее на разбивку по странам. Для журнала «Death Studies» характерно следующее деление: 50 % статей авторов из США,

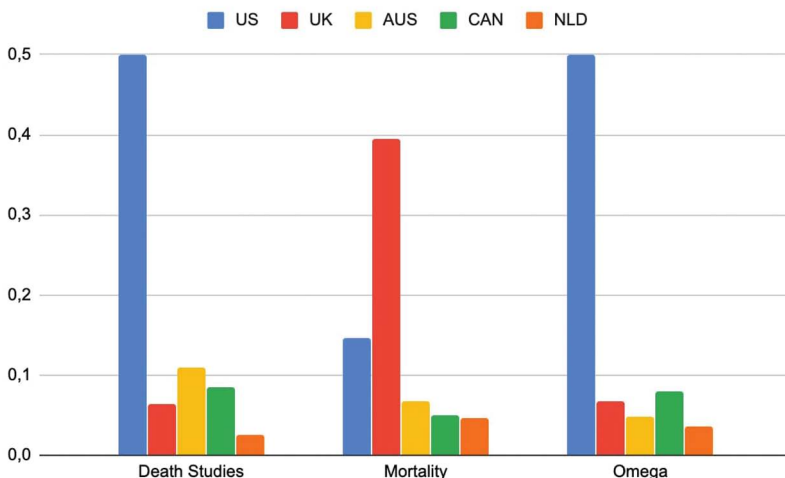

Рис. 7. Разбивка по странам

10,9 % — из Австралии, 8,4 % — из Канады, 6,4 % — из Великобритании и 5,2 % — из Израиля. Для журнала «Mortality» характерно большее количество авторов из Великобритании — 39,5 %, следом идут США (14,6 %), Австралия (6,8 %), Канада (5 %) и Нидерланды (4,6 %). Наиболее частотные страны для журнала «ОМЕГА» — США (50 % публикаций), Канада (8 %), Великобритания (6,8 %), Австралия (4,8 %) и Нидерланды (3,5 %).

Выводы

По результатам анализа актуальных для поля death studies тем мы можем сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, тема горя и скорби наиболее популярна в поле так называемых death studies. Работы о горе частотны исходя не только из количества ключевых слов, но и из списка наиболее цитируемых статей. На данный момент мы видим, что тема горя и горевания больше всего интересует исследователей, работающих с психологическими интерпретациями. Хотя стоит признать, что не все статьи о горе написаны психологами — публикуются и культурологические и социологические работы, например довольно цитируемая работа Тони Уолтера и коллег о том, как интернет меняет наши практики скорби (Walter et al. 2011).

Во-вторых, преобладают психологические исследования в целом, не только связанные с гореванием и утратой. Это отчетливо видно как по ключевым словам, так и по анализу цитирований и аффилиаций авторов статей. Исследования в области психологии чаще всего являются прикладными и представляют собой, к примеру, исследование применения руководства по психическим расстройствам (DSM-5) к расстройствам, связанным с горем и скорбью. Довольно много исследований так называемого бесправного горя (disenfranchised grief), т.е. горя, не признаваемого обществом, к примеру скорби по умершему домашнему питомцу, дальнему родственнику и т.д. На втором месте широкая тема отношения к смерти, причем здесь мы видим довольно четкое следование логике ухода к практическим исследованиям. Не только горе, но и умирание становится объектом пристального внимания психологов и исследователей медицины с прикладными целями: улучшить психологическое консультирование в хосписах, помочь людям, которые склонны к суициду, и т.д. Мы видим, что американские исследователи обращаются к конкретным вопросам практического улучшения взаимоотношений со смертью и умиранием, их волнует поиск практических решений в сфере менеджмента смерти.

В-третьих, поле достаточно сильно замкнуто само на себе. Это отчетливо видно при анализе цитирований: подавляющее большинство

статей топ-50 Scopus цитируются в самих журналах «Death Studies», «Mortality» и «OMEGA». Помимо этого, исходя из источников, где цитируются публикации из журналов, научное знание о смерти наиболее востребовано в психологии и медицине. «Death Studies» — более прикладной журнал, «Mortality» же пытается предлагать социально-теоретические осмысления смерти и умирания.

В-четвертых, мы видим, что разница между журналами в выборе тематик, аффилиаций авторов, географии все-таки есть. Если для «Death Studies» характерны психологические исследования, то авторы «Mortality» демонстрируют больший интерес к культурологическим и социологическим исследованиям, «OMEGA» занимает промежуточную позицию. Страновая и институциональная принадлежность авторов совпадает с тематической направленностью журналов и их геолокацией. Можно сказать, что английский журнал «Mortality», являющийся скорее журналом по социальным исследованиям смерти и умирания, ориентирован на авторов из Европы и домашней Британии, его цитируемость и востребованность также имеет локальную привязку (чаще всего статьи из «Mortality» цитируют в самом журнале и в британском издании «Bereavement Care»). Американские журналы «Death studies» и «OMEGA» публикуют статьи американских авторов, которые цитируются американскими журналами.

Таким образом, несмотря на то что журналы принадлежат одному полю, разница между ними достаточно ощутима. Можно сказать, что современные death studies представлены двумя полярными направлениями: 1) исследования практических вопросов, связанных с умиранием: горе, уход, консультирование, хосписы и 2) общие социологические и культурологические исследования смерти и умирания: горе, как часть культуры, похоронная индустрия, цифровые технологии и смерть. При этом первый пункт обслуживается американским журналом «Death Studies», публикации которого востребованы на американском рынке знания, а вторая группа исследований публикуется в британском журнале «Mortality». Журнал «OMEGA» занимает медианную позицию.

Подобные первичные наблюдения позволяют лучше понимать, что представляют собой современные исследования смерти и умирания.

Литература

Блэк М. (2015) *Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии*. М.: Новое литературное обозрение.

Москалев И.Е. (2005) Сети научных коммуникаций: междисциплинарный подход. *Философия науки*, 11: 196–211.

Мохов С.В. (2016) Смерть как проблема исследования в социальной и исторической антропологии: генезис идей. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 19(3): 171–187.

Мохов С.В. (2018) *Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия*. М.: Common place.

Мохов С.В. (2020) *История смерти. Как мы боремся и принимаем*. М.: Индивидуум.

Мэрридейл К. (2019) *Каменная ночь. Смерть и память в России XX века*. М.: Corpus.

Рикёр П. (2002) *История и истина*. СПб.: Алетейя.

Скиннер К. (2018) Мотивы, намерения и интерпретация текстов. Атнашев Т., Велижев М. (сост.) *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории*. М.: Новое литературное обозрение: 123–140.

Хапаева Д. (2020) *Занимательная смерть. Развлечения эпохи постгуманизма*. М.: Новое литературное обозрение.

Becker E. (1997) *The Denial of Death*. N.Y.: Free Press Paperbacks.

Borgstrom E., Ellis J. (2017) Introduction: researching death, dying and bereavement. *Mortality*, 22(2): 93–104.

Bornmann L., Daniel H.D. (2008) What Do Citation Counts Measure? A Review of Studies of Citing Behavior. *Journal of Documentation*, 64(1): 45–80.

Burke L., Neimeyer R., McDevitt-Murphey M. (2010) African American homicide bereavement: aspects of social support that predict complicated grief, PTSD, and depression. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 61(1): 1–24.

Cann C.K., Troyer J. (2017) Trans-Atlantic death methods: disciplinary shared and challenged by a common language. *Death Studies*, 22(2): 105–117.

Falagas M., Kouranos V., Arencibia-Jorge R., Karageorgopoulos D. (2008) Comparison of SCImago journal rank indicator with journal impact factor. *The FACEB Journal*, 22(8): 2623–8.

Fonseca F.M., Testoni I. (2011) The Emergence of Thanatology and Current Practice in Death Education. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 64(2): 157–169.

Fox M., Cacciatore J., Lacasse J.R. (2014) Child Death in the United States: Productivity and the Economic Burden of Parental Grief. *Death Studies*, 38(9): 597–602.

Gall T.L., Henneberry J., Eyre M. (2014) Two Perspectives on the Needs of Individuals Bereaved by Suicide. *Death Studies*, 38(7): 430–437.

Gardner D., Kramer B. (2010) End-of-life concerns and care preferences: Congruence among terminally ill elders and their family caregivers. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 60(3): 273–297.

Harper S. (2010) The Social Agency of Dead Bodies. *Mortality*, 15(4): 308–322.

Kawashima D., Kawano K. (2017) Parental Grief After Offspring Suicide and Adaptation to the Loss in Japan. *OMEGA — Journal of Death and Dying* 79(1): 34–51.

Kelley M., Chan K.T. (2012) Assessing the Role of Attachment to God, Meaning, and Religious Coping as Mediators in the Grief Experience. *Death Studies*, 36(3): 199–227.

Kristensen P., Wisaeth L., Heir T. (2010) Predictors of Complicated Grief After a Natural Disaster: A Population Study Two Years After the 2004 South-East Asian Tsunami. *Death Studies*, 34(2): 137–150.

Lobb E.A., Kristjanson L., Aoun S.M., Monterosso L. (2010) Predictors of Complicated Grief: A Systematic Review of Empirical Studies. *Death Studies*, 34(8): 673–698.

McClatchey I.S., Vonk M.E., Lee J., Bride B. (2014) Traumatic and Complicated Grief Among Children: One or Two Constructs? *Death Studies*, 38(2): 69–78.

Meadors P., Lamson A., Swanson M., White M., Sira N. (2010) Secondary traumatization in pediatric healthcare providers: Compassion fatigue, burnout, and secondary traumatic stress. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 60(2): 103–128.

Meffert C., Stöbel U., Körner M., Becker G. (2015) Perceptions of a Good Death Among German Medical Students. *Death Studies* 39(5): 307–315.

Neimeyer R., Klass D., Dennis M.R. (2014) A Social Constructionist Account of Grief: Loss and the Narration of Meaning. *Death Studies*, 38(8): 1–14.

Osafo J., Akotia C.S., Andoh-Arthur J., Quantie E.N.B. (2015) Attempted Suicide in Ghana: Motivation, Stigma, and Coping. *Death Studies*, 39(5): 274–280.

PLoS Medicine Editors. (2006) The Impact Factor Game. *PLoS Med.*, 3(6) [<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1475651/>] (дата обращения: 04.09.2020).

Shields C., Kavanagh M., Russo K. (2015) A Qualitative Systematic Review of the Bereavement Process Following Suicide. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 74(4): 426–464.

Stroebe M., Schut H. (1999) The Dual-Process Model of Coping With Bereavement: Rationale and Description. *Death Studies*, 23(3): 197–224.

Testoni I., Ancona D., Ronconi L. (2015) The ontological representation of death: A scale to measure the idea of annihilation versus passage. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 71(1): 60–81.

Walter T., Hourizi R., Moncur W., Pitsillides S. (2011) Does the internet change how we die and mourn? Overview and analysis. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 64(4): 275–302.

Wittkowski J., Doka K.J., Neimeyer R., Vallerga M. (2015) Publication Trends in Thanatology: An Analysis of Leading Journals. *Death Studies*, 39(8): 453–462.

Yang S.C. (2013) Assessment and Quantification of Taiwanese Children's Views of a Good Death. *OMEGA — Journal of death and dying*, 66(1): 17–37.

Источники

Сад Им. (2020) *Namegarden* [<http://namegarden.ru/%D1%81%D0%B0%D0%B4/>] (дата обращения: 04.09.2020).

About International Death Symposium (2019) *Toronto Death Society* [<http://www.torontodeathsociety.org/about.html>] (дата обращения: 03.09.2020).

About this Journal (2020) *OMEGA — Journal of Death and Dying SAGE Publications* [<https://journals.sagepub.com/home/ome>] (дата обращения: 04.09.2020).

About Us (2020) *Dying Matters* [<https://www.dyingmatters.org/overview/about-us>] дата обращения: 04.09.2020).

Death, Religion and Culture MA (2020) *University of Winchester* [<https://www.winchester.ac.uk/study/postgraduate/courses/ma-death-religion-and-culture/>] (дата обращения: 04.09.2020).

End of Life Studies MSc/PgDip/PgCert (2020) *University of Glasgow* [<https://www.gla.ac.uk/postgraduate/taught/endoflifestudies/>] (дата обращения: 04.09.2020).

Journal Citation Reports (2020) *Clarivate Analytics — Web of Science* [JCR2020_ImpactFactors2020.pdf] (дата обращения: 06.09.2020).

Journal Information (2020) *Death Studies Journal — Taylor & Francis* [<https://www.tandfonline.com/action/journalInformation?journalCode=udst20>] (дата обращения: 04.09.2020).

Mortality — Promoting the interdisciplinary study of death and dying (2020) *Mortality — Taylor & Francis* [<https://www.tandfonline.com/toc/cmrt20/current>] (дата обращения: 04.09.2020).

Palliative and End of Life Studies (2020) *University of York* [<https://www.york.ac.uk/healthsciences/ssprd/modules-courses/palliative/>] (дата обращения: 04.09.2020).

The New Death Symposium presented by Death Futures (2019) *Leeds International Festival* [<https://leedsinternationalfestival.com/event/the-new-death-symposium/>] (дата обращения: 04.09.2020).

What is a Death Cafe (2019) *Death Cafe* [<https://deathcafe.com/what/>] (дата обращения: 04.09.2020).

DEATH STUDIES: THE FORMATION OF AN INTERDISCIPLINARY FIELD (2010–2020)

Sergey Mokhov ^a (svmohov.hse@gmail.com),
Daria Milenina ^b

^aInstitute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^bMoscow School of Social and Economic Sciences. Moscow, Russia

Citation: Mokhov S., Milenina D. (2021) Death Studies: osobennosti formirovaniya distsiplinarnogo polya (2010–2020) [Death Studies: The formation of an interdisciplinary field (2010–2020)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(2): 212–235 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.8>

Abstract. Death studies (an umbrella term which is used to describe an interdisciplinary field of research on death and dying) have been rapidly gaining popularity during the last 50 years. As an interdisciplinary field, death studies have been faced with issues connected with defining the boundaries of the field, forming a unified research language, methodology and tools. Therefore, it is not clear, what subjects and issues death studies deal with, and, on the larger scale, what death studies actually are. The authors aim at answering these questions through the detailed analysis of publications of three leading academic journals on death and dying (Death Studies, Mortality and OMEGA) during the last decade (since 2010). The authors analyze major themes, disciplines, authors' affiliations and citations. As a result of the analysis the authors make following conclusions: 1) grief and bereavement is the most popular topic of research on death and dying; 2) there is a predominance of psychological research in the field; 3) the field is considerably closed within itself in terms of academic discussion, whereas academic knowledge on death and dying is mostly in demand in psychology and medicine; 4) there is a difference between journals in their choice of research topics, authors affiliations and geography. Overall, according to the authors, modern death studies are characterized by two polar trends: a tendency towards researching practical issues connected with dying (maintained by Death Studies journal) and a shift towards sociological and cultural research (published mainly in Mortality journal). OMEGA journal occupies an intermediate position.

Keywords: death studies, death and dying, professional networks, analysis of publications, academic journals.

References

- Becker E. (1997) *The Denial of Death*. New York: Free Press Paperbacks.
Black M. (2015) *Smert' v Berline. Ot Veymarskoy respubliki do razdelennoy Germanii* [Death in Berlin. From the Weimar Republic to the divided Germany]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Borgstrom E., Ellis J. (2017) Introduction: researching death, dying and bereavement. *Mortality*, 22(2): 93–104.

Bornmann L., Daniel H.D. (2008) What Do Citation Counts Measure? A Review of Studies of Citing Behavior. *Journal of Documentation*, 64(1): 45–80.

Burke L., Neimeyer R., McDevitt-Murphey M. (2010) African American homicide bereavement: aspects of social support that predict complicated grief, PTSD, and depression. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 61(1): 1–24.

Cann C.K., Troyer J. (2017) Trans-Atlantic death methods: disciplinary shared and challenged by a common language. *Death Studies*, 22(2): 105–117.

Falagas M., Kouranos V., Arencibia-Jorge R., Karageorgopoulos D. (2008) Comparison of SCImago journal rank indicator with journal impact factor. *The FACEB Journal*, 22(8): 2623–8.

Fonseca F.M., Testoni I. (2011) The Emergence of Thanatology and Current Practice in Death Education. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 64(2): 157–169.

Fox M., Cacciatore J., Lacasse J.R. (2014) Child Death in the United States: Productivity and the Economic Burden of Parental Grief. *Death Studies*, 38(9): 597–602.

Gall T.L., Henneberry J., Eyre M. (2014) Two Perspectives on the Needs of Individuals Bereaved by Suicide. *Death Studies*, 38(7): 430–437.

Gardner D., Kramer B. (2010) End-of-life concerns and care preferences: Congruence among terminally ill elders and their family caregivers. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 60(3): 273–297.

Harper S. (2010) The Social Agency of Dead Bodies. *Mortality*, 15(4): 308–322.

Kawashima D., Kawano K. (2017) Parental Grief After Offspring Suicide and Adaptation to the Loss in Japan. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 79(1): 34–51.

Kelley M., Chan K.T. (2012) Assessing the Role of Attachment to God, Meaning, and Religious Coping as Mediators in the Grief Experience. *Death Studies*, 36(3): 199–227.

Khapayeva D. (2020) *Zanimatel'naya smert'. Razvlecheniya epokhi postgumanizma* [An entertaining death. Entertainment of the posthuman era]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).

Kristensen P., Wiseth L., Heir T. (2010) Predictors of Complicated Grief After a Natural Disaster: A Population Study Two Years After the 2004 South-East Asian Tsunami. *Death Studies*, 34(2): 137–150.

Lobb E.A., Kristjanson L., Aoun S.M., Monterosso L. (2010) Predictors of Complicated Grief: A Systematic Review of Empirical Studies. *Death Studies*, 34(8): 673–698.

McClatchey I.S., Vonk M.E., Lee J., Bride B. (2014) Traumatic and Complicated Grief Among Children: One or Two Constructs? *Death Studies*, 38(2): 69–78.

Meadors P., Lamson A., Swanson M., White M., Sira N. (2010) Secondary traumatization in pediatric healthcare providers: Compassion fatigue, burnout, and secondary traumatic stress. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 60(2): 103–128.

Meffert C., Stöfel U., Körner M., Becker G. (2015) Perceptions of a Good Death Among German Medical Students. *Death Studies*, 39(5): 307–315.

Merridale C. (2019) *Kamennaya noch'. Smert' i pamyat' v Rossii XX veka* [Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia]. Moscow: Corpus (in Russian).

Mokhov S.V. (2016) *Smert' kak problema issledovaniya v sotsial'noy i istoricheskoy antropologii: genezis idey* [Death as a research problem in social and historical

anthropology: the genesis of ideas]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 19(3): 171–187 (in Russian).

Mokhov S.V. (2018) *Rozhdeniye i smert pokhoronnoy industrii. Ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya* [Birth and death of the funeral industry. From medieval churchyards to digital immortality]. Moscow: Common place (in Russian).

Mokhov S.V. (2020) *Istoriya smerti. Kak my boremsya i prinyimayem* [The History of Death. How we struggle and accept]. Moscow: Individuum (in Russian).

Moskalev I.E. (2005) Seti nauchnykh kommunikatsiy: mezhdistsiplinarnyy podkhod. [Scientific communication networks: interdisciplinary approach]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 11: 196–211 (in Russian).

Neimeyer R., Klass D., Dennis M.R. (2014) A Social Constructionist Account of Grief: Loss and the Narration of Meaning. *Death Studies*, 38(8): 1–14.

Osafo J., Akotia C.S., Andoh-Arthur J., Quantie E.N.B. (2015) Attempted Suicide in Ghana: Motivation, Stigma, and Coping. *Death Studies*, 39(5): 274–280.

PLoS Medicine Editors. (2006) The Impact Factor Game. *PLoS Med.*, 3(6) [<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1475651/>] (дата обращения: 04.09.2020).

Ricoeur P. (2002) *Istoriya i istina* [History and Truth: Studies in Phenomenology and Existential Philosophy]. St. Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Shields C., Kavanagh M., Russo K. (2015) A Qualitative Systematic Review of the Bereavement Process Following Suicide. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 74(4): 426–464.

Skinner Q. (2018) Motiviy, namereniya i interpretatsiya tekstov [Motives, Intentions and the Interpretation of Texts]. In: Atnashev T., Velizhev M. (sost.) *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye: 123–140 (in Russian).

Stroebe M., Schut H. (1999) The Dual-Process Model of Coping With Bereavement: Rationale and Description. *Death Studies*, 23(3): 197–224.

Testoni I., Ancona D., Ronconi L. (2015) The ontological representation of death: A scale to measure the idea of annihilation versus passage. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 71(1): 60–81.

Walter T., Hourizi R., Moncur W., Pitsillides S. (2011) Does the internet change how we die and mourn? Overview and analysis. *OMEGA — Journal of Death and Dying*, 64(4): 275–302.

Wittkowski J., Doka K.J., Neimeyer R., Vallerger M. (2015) Publication Trends in Thanatology: An Analysis of Leading Journals. *Death Studies*, 39(8): 453–462.

Yang S.C. (2013) Assessment and Quantification of Taiwanese Children's Views of a Good Death. *OMEGA — Journal of death and dying*, 66(1): 17–37.